

высказываний понимают как «замкнутую языковую систему».

В методическом отношении важно указать на то, что при анализе языка по письменным памятникам следует учитывать общее (типологическое) различие устной и письменной форм речи. Основательны возражения Б. О. Унбегауна, который усматривает «парадокс» в изучении разговорного языка по письменным памятникам⁵: «Хотя уже сам условный характер письма того времени, как и любого обыкновенного, общепринятого письма, предопределяет некоторые отклонения от звуковой, а в известной мере и грамматической непосредственности, однако это не означает, что в основной своей конкретной данности фонетика и грамматика разговорной стихии в нем не реализуются. Основное затруднение заключается не в том, что разговорную стихию прошлого приходится изучать по письменным памятникам (это историческая неизбежность), а в том, что современный уровень разработки истории русского языка, и в частности письменных источников, далеко не всегда обеспечивает уверенное различение отложившихся в памятниках литературно-книжной и разговорной стихий» (с. 48).

В книге использованы разнообразные частные приемы исследования языковых фактов в связи с различием в характере источников. Учитывая орфографию памятников, автор отклоняет обычное противопоставление «аканье — оканье», которое приводило исследователей к сомнениям относительно показаний аканья в самых ранних московских памятниках; выдвигается противопоставление «аканье — отсутствие аканья», более оправданное с точки зрения теории лингвистического источниковедения.

Автор последовательно проводит принцип историзма, чрезвычайно важный для современных историков языка: «выявление характера московского аканья XVI—XVII вв. без привлечения синхронных южновеликорусских данных не может быть достаточно обоснованным. Рассмотрение московского аканья XVI—XVII вв. лишь на фоне состояния аканья в современных русских говорах не может удовлетворить историка языка по следующим причинам: во-первых, сравнивается не вполне сравнимое — с одной стороны, далеко не полное и приближительное отражение аканья в старинном обычном письме, с другой стороны, его полное и довольно точное воспроизведение в современной научной транскрипции или инструментальной записи; во-вторых, не зная отражений аканья в старой южновеликорусской письменности, затруднительно судить о том, в каком соотношении находились в ту пору аканье московское

и южновеликорусское, а без выяснения этого соотношения установление характера московского аканья указанного периода не может быть бесспорным» (с. 55).

Подбор примеров отражения аканья в текстах XVII в. учитывает не только внутриязыковой фактор — положения в отношении согласных, но и фактор социальный — уровень профессиональной выучки писцов. Исчерпывающий по охвату материала анализ позволяет автору сделать вывод о том, что в Москве в течение всего XVII в., да и в XVI в. «в кругу ее постоянного населения не было того положения, о котором принято говорить, что одни окали, другие акали; картина безударного вокализма знаменует сложившееся койне» (с. 76).

Из весьма обширного списка (с. 62—75) можно сомневаться только в небольшой группе примеров на безударное окончание *-аго* в порядковых числительных — обозначениях прописью дат написания документов или дат внутри документов. Дело в том, что влияние книжнославянской традиции на язык деловых документов принимает причудливые формы, оно может проявляться только во внешних, формализованных частях документов, принадлежащих тому или иному грамотею. В документе «книжность» может начинаться зачином «Се яз» и кончаться датой. Возьмем все случаи написания дат прописью в четвертом отделе публикации МБДП: 3 сто пятьдесят девятого году евраля в двадцать седьмы ден (163), 3 сто шедезят осмаго году генваря в двадцать шесты ден (164), 3 сто пятьдесят девятого году евраля в четверты на десят ден (169), 3 сто пятьдесят девятого году (170), сентября с перваго числа сто восьмьдесят седмаго году... до сентября по первое число сто девяносто году... за два мса июля первое число сто восьмьдесят девятого году (174), 3 сто пятьдесят втораго году (178), 3 сто двадцать седьмаго году (180), 3 сто трицат шестаго году (181), 3 сто пятьдесят осмаго году (183), 3 сто осмьдесят седмаго году (188) — всего 13 случаев *-аго* (ударных и безударных); но 3 случая *-ого*: 3 сто шедезят четвертого году (171), 3 сто семдесятого году (187), двусотого году (197). Ср. постоянное в датах окончание *-ый* (вторы) при обычном в прилагательном в тех же документах *-ой* ударенном и безударном (торговой человек, кружечной двор — МДБП, 174).

Заслуживают внимания выводы автора об иканье в московском говоре XVII в. и общая характеристика московского безударного вокализма, приведенная на с. 100 и след.

История звука «ять» в московском говоре — один из наиболее сложных вопросов русской исторической фонетики. Поэтому оправдано подробное освещение его в книге (с. 102—162). Различие в судьбе ударенного и безударного «ять» подтверждается громадным количеством примеров. Это различие снимает вопрос о церковнославянской традиции в пере-

⁵ Унбегаун Б. О. Редкое выражение русской разговорной речи XVII века. — «Проблемы истории и диалектологии славянских языков». М., 1971, с. 273.